

*Маргарита**Чирчик*

УРОЧИЩЕ МЕДЕУ: ВОЗВЫШЕННАЯ КРАСОТА И УКРОЩЕННАЯ СТИХИЯ

В первые годы XX века город Верный представлял собой небольшое укрепление с населением в 27 тысяч человек. Единственная «магистраль», названная именем генерала Колпаковского (ныне – проспект Достык), плутая среди мирно соседствующих плодовых садов и тянь-шаньских елей, среди крепких дач городской знати, вела к живописнейшему месту – владениям Медеу Пусурманова. Об освоении этих мест, превращении их в визитную карточку Алматы мы и вспомним сегодня.

Но сначала – о Медеу Пусурманове (1850–1908), чье имя сохранилось в названии урочища и расположенного в нем знаменитого высокогорного спортивного комплекса. Кто он? Просветитель, предприниматель, строитель – в облике даже нынешней Алматы сохранился его след.

«На Бога надейся, а сам не плошай» – руководствуясь этой мудростью, жил Медеу Пусурманов: не чурался любого труда, пас скот, строил дома. Однако чем бы он ни занимался, по складу своего ума всегда оставался предпринимателем. Смекалистость, оборотистость, деловая хватка, умение работать – вот то, что позволило Медеу достичь благосостояния и заработать непререкаемый авторитет среди «отцов города». Пусурманов свободно общался с генерал-губернатором Г. А. Колпаковским, ученым Н. Г. Моисеевым, лесоводом Э. О. Баумом, со многими видными чиновниками Верного. Его единомышленниками и друзьями были инженер А. П. Зенков, купец Исхак Габдулвалиев, Минлиахмед Жумабайулы (отец Д. А. Кунаева), А. Жиенкулов (дед известной танцовщицы Сары Жиенкуловой), купец Пугасов. Именно в этой титулованной, аристократической среде Медеу Пусурманов слыл и за просветителя, который владел русским языком столь хорошо, что время от времени служил переводчиком, и за дальновидного человека, понимавшего преимущества оседлой жизни, призывавшего местное население к земледелию, ремеслу и культивировавшему в нем тягу к знаниям.

К концу XIX века в Верном насчитывалось около двух тысяч домов: деревянных и каменных, приземистых одноэтажных и высоких двухэтажных, простеньких и затейливых, украшенных «петушками», башенками, резными крылечками. Были среди них и возведенные Медеу Пусурмановым и его детьми добротные, аккуратные рубленые строения, которые относились к разряду элитных городских домов. Эти дома располагались в центральной части города: около сегодняшней мечети, близ Торгового дома Габдулвалиева с сыновьями (ныне – магазин «Кызыл-

Тан»), на будущем перекрестке улиц Масанчи и Калинина (этот дом, построенный по проекту А. Зенкова, – с огромными залами, куполообразными арками, – где проживал старший сын Медеу Жайшыбек со своей семьей, а позже находился детский сад, продержался дольше других медеуских домов).

В свое время Медеу Пусурманов побывал в Петербурге, и эта поездка благотворно сказалась на его деятельности по благоустройству Верного. В Петербурге Медеу поразили улицы, вымощенные камнями. Именно такими и хотел видеть предприниматель улицы своего родного города, поэтому сразу же по прибытию он вместе со своими сородичами начал мостить одну из улиц Верного камнями, которые добывал в горах – в нынешнем Малоалматинском ущелье. А еще в некоторых петербургских домах Медеу видел печи, облагороженные изразцами. На родину он привез целый воз таких плиток, показал их купцам и подал им идею заключить договоры в российском городе Гжель и некоторых узбекских городах на поставку изразцов в город Верный. Чем закончилась эта инициатива Пусурманова, мы уже, к сожалению, не узнаем. Но этот факт биографии Медеу – свидетельство тому, насколько он был неравнодушен к красоте.

В позапрошлом веке зарождалась слава Алма-Аты как города-сада. Все верненцы, хотели они того или нет, должны были соблюдать закон (не правило!): построил дом – посади дерево, не построил дом – всё равно посади дерево. Улицы-бульвары, аллеи, скверы, парки, сады – всё это высаживалось с любовью, со знанием дела, на века. Контролировал процесс озеленения города сам Колпаковский, а верными его помощниками были Э. Баум и М. Пусурманов. В то же время благоустраивались и окраины города. К примеру, двоюродный брат Медеу Бедельбай на 15 га земли в ауле № 3 Верненского уезда (Ащыбулак) вырастил яблоневоый сад. Сын Медеу Айдарбек посадил и выходил обширную рощу из разнородных деревьев в поселке Туймебай. Сохранилась лишь незначительная часть этих посадок – в 30-е годы прошлого столетия все деревья были вырублены на дрова.

Медеу и сам активно участвовал в благоустройстве, озеленении Верного и его окраин – не ломал-вырубал, а застраивал-высаживал. По инициативе этого человека были посажены березовые рощи, растущие сейчас вдоль дороги на каток «Медеу», дубовая роща возле бывшего санатория «Турксиб» (увы, роща эта не выстояла во времена «великой стройки» конца XX века), сады в районах Терыс-бутака – Каменского плато (недалеко от усадьбы помещика Бычкова), у речки Бедельбай (в советское время там был дом отдыха «Просвещенец»), в районе Баганашила.

Как бы ни любил Медеу Пусурманов свой город, он всегда стремился за его пределы: в предгорья, в изумительное ущелье вдоль бурной Малой Алматинки. Нельзя сказать, что ущелье было необжитым – среди произраставших в нем диких сосен, елей и культурных яблонь стояли загородные дома городской знати, среди которых, пройдет немного времени, появятся и дома Медеу. 21 января 1898 года Медеу Пусурманов подал губернатору Семиречья прошение следующего содержания: «...покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать разрешить мне построить деревянный дом в вышеизложенном месте (Малоалматинское ущелье) ... для чего в ноябре 1897 года мною приобретено 20 корней леса, какой совершенно пригоден к делу...» Прошение было удовлетворено без всякой бюрократической волокиты. Причем Медеу получил разрешение на строительство

не одного дома, а сразу нескольких. И вот выше Кордонной щели одна за другой выросли крепенькие да ладненькие три избы. Свои дома в ущелье Пусурманов задумывал как зимовку, но его семья проживала в них и летом: на близких жайлау паслись многосотенные стада овец и табуны отборной породы лошадей семьи Медеу, – по преданию, когда эти табуны пили воду из верхнего озера ущелья Кім Асар, то обезвоживались вытекающие из него реки...

Позже в трёх избах Медеу работала Лесная школа, а в 1920 году уполномоченный Реввоенсовета в Семиречье и фактически градоначальник Верного Д. Фурманов отдал приказ об открытии в урочище первой зоны отдыха «с кумысолечебницей в здании бывшей Лесной школы на Медео». Так, с легкой руки красного комиссара, советского писателя, и закрепилось за урочищем это название – Медео. В 1930-е дома переоборудовали в зону отдыха, назвав её «Х лет Казахстана», – впрочем, это название не прижилось, и дому отдыха вернули уже привычное – «Медео». В 1970-е здесь же построили гостиницу «Медео». Это место было поистине чудесным: дивный ландшафт, свежий горный воздух, кристально чистая вода, экологические продукты питания да еще и лечебные процедуры. Здорово! Вверху, под самыми облаками, находилась горно-спортивная база «Чимбулак», ниже – турбаза «Горельник», вокруг – десятки пионерских лагерей...

Медеу Пусурманов был человеком открытым и щедрым: помогал малоимущим, строил школы, дороги и был одним из самых активных благотворителей города Верного. В конце месяца Ораза айт он обязательно ставил юрты, резал свой скот, досыта кормил свежим мясом бедняков, привозил им из города одежду. Известно, что Медеу покровительствовал ученикам Верненской мужской гимназии, построил на собственные средства в Верном и в пригородах несколько медресе, дал образование многим детям-сиротам. Но самую весомую материальную помощь городу Медеу оказал в строительстве плотины на Приютском (Первомайском) озере.

Медеу Пусурманов умер в 1908 году в возрасте 58 лет, похоронен на родовом кладбище около Первомайской плотины. После себя оставил не только дома да рощи, но и 20 детей от четырех жен: 12 сыновей и 8 дочерей. Всем дал образование, всех приобщил к труду, земле, наукам и культуре. Старший сын Медеу Пусурманова Жайшыбек, энергичный и талантливый юноша, обучался в Верненской мужской гимназии, в числе его друзей был будущий революционер Т. Бокин. Жайшыбек прославил себя тем, что по его инициативе был проложен водопроводный канал Каратоган длиной 20 километров (в народе – Жайшыбек арыгы), пролежавший от аула № 3 до села Жетіген.

* * *

В 1949 году на левом берегу Малой Алма-Атинки на высоте 1691,2 метра над уровнем моря, чуть выше дома отдыха «Медео», по инициативе одного московского тренера началось строительство высокогорного катка. На его месте, как рассказывает правнук Медеу Бахытжан Нусупбеков, когда-то находилась белая 12-канатная юрта Медеу Пусурманова. Зимой Медеу заливал возле юрты каток, и дети катались на нем, кто как мог, используя различные импровизированные средства. Красавица юрта стояла здесь до середины 30-х годов XX века, пока этнографическая экспедиция из Ленинграда не прибрала ее в качестве экспоната для какого-то ленинградского музея.

Уже в 1951 году на катке состоялись первые соревнования. Тогда в стране не было искусственного льда, и каток функционировал всего пару месяцев в году. Не очень-то удобно для спортивного объекта. Понадобилось 15 лет, чтобы решить эту проблему, заменив естественный лед на искусственный: мощность холодильных установок «держала» лед на катке восемь месяцев в году, а на конькобежных дорожках – круглый год.

Над новым обликом катка – теперь уже высокогорного комплекса зимних видов спорта «Медеу» трудилась группа специалистов, среди которых архитекторы В. Кацев, А. Кайнарбаев, инженер С. Матвеев. За создание комплекса авторский коллектив проектировщиков и строителей в 1975 году был удостоен Государственной премии СССР. Комплекс «Медеу» представлял собой целую спортивную империю: здесь работали гардеробы, буфеты, гостиница, различные залы, финская баня, пресс-центр, поликлиника, а по вечерам ледовое поле и всё вокруг заливалось ослепительным светом 1600 прожекторов. Рассказывают, что в августе то ли 1973, то ли 1974 года высокогорный спортивный комплекс «Медеу» посетили Леонид Ильич Брежнев и Динмухамед Ахметович Кунаев. Тогда специально для высоких гостей на искусственный лед катка вышли именитые советские фигуристы, в том числе Ирина Роднина и Владислав Зайцев. Ледовое шоу почетных зрителей впечатлило.

Ветхие строения дома отдыха «Медеу» теперь уже невыгодно контрастировали с современным спортивным комплексом, и в 1973 году на их месте началось строительство здания гостиницы «Медеу», рассчитанной на 346 мест (архитекторы В. Кацев, С. Коханович, конструктор В. Чечелев, проект получил диплом 1-й степени на Всесоюзном конкурсе Госстроя СССР за лучшее качество строительства). Через два года гостиница открылась. В отделке здания использовались новейшие по тем временам отделочные материалы: древесина ценных пород, местные гранит, мрамор, ракушечник. Что по сравнению с этим всем деревянные дома Пусурманова? Вот и сдались они без боя на милость строителей. Чего не скажешь о могучих тянь-шаньских елях, посаженных Медеу и его семьей, – уж они-то так сразу капитулировать не собирались. Далеко в землю пустили деревья свои корни. Попробуйте вытащить их оттуда! По рассказам, один из строителей рубанул топором по стволу ели, топор сорвался, отскочил и смертельно ранил не задачливого дровосека. Пробовали использовать трактор – только сломали. Так и осталось дерево-батыр возле самой гостиницы. Уж не дух ли семьи Пусурмановых защитил его? Впрочем, на карте ущелья уже и нет этой знаменитой гостиницы, принимавшей ежегодно более 23 тысяч отдыхающих – туристов и спортсменов...

Сегодня в урочище Медеу, как и прежде, приезжают целыми семьями и горожане, и гости Алматы – погулять, покататься на коньках, подышать свежим воздухом, ощутить жар горного солнца. Жизнь кипит, бурлит, несется... А с высоты 1750 метров над уровнем моря смотрит на большой город величественное рукотворное творение – плотина, надежный страж Алматы.

* * *

840, 841, 842... И вот последняя, 843 ступенька. Всё. Восхождение на плотину закончено. Можно отдышаться. И осмотреться. Далеко внизу сквозь пелену смога виднеется любимый город. Много ближе переливается на солнце блюдце катка «Медеу». Аккуратно огибает березовые и осиновые посадки серпантин. Немало

повидавшая на своем веку каменная «Ласточка» застыла в полете. Вверху широко раскинулись горные хребты, поросшие могучими зелено-голубыми елями, покрытые ледниками-мыслителями, отражающими свою опасную красоту в таинственных моренных озерах...

Вспоминаются пушкинские строки:

Все, все, что гибелью грозит,

Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья... –

что в переводе на язык прозы означает: истинная красота в своем высшем, кульминационном проявлении равнозначна смерти. Как быть в этом случае? Отделить одно от другого: сохранить красоту и предотвратить смерть. Сделать это может только человек – существо разумное.

...Что-то неладное творилось в ущелье по руслу Малой Алматинки 8 июля 1921 года в восьмом часу вечера. В тянь-шаньских горах, царстве морен и стремительных речек раздавались странные звуки: то жалобные стоны, то злоеущее урчание. Однако до Алма-Аты эти звуки не долетали. Город гасил огни и готовился ко сну. В ущелье же всё только просыпалось. Высокогорное моренное озеро глубоко вдохнуло, мгновенно вспучилось и тут же, выдохнув, опало. За выдохом последовал хриплый звук, через секунду переросший в злоеущий грохот. Сель! Грязекаменный трехголовый дракон рванулся вниз и в полночь обрушился на Алма-Ату всей своей массой.

Монахиня Магдалина, очевидец катастрофы, потом вспоминала: «В этот день с утра не переставал дождь, а к полудню напоздла огромная черная туча и хлынул небывалый ливень. Вскоре он прошел, стало светло и тихо, будто все замерло. Мы с сестрами читали вечернее правило в келье на Мохнатой сопке, когда услышали ужасающий грохот, доносившийся из ущелья. Что такое? Выбежали на улицу, смотрим с горы вниз и видим: река Малая Алматинка, вышедшая из берегов и превратившаяся в грязевой смерч, несется неудержимым потоком, срывая на ходу и заворачивая в месиво все, что преграждает ей путь. Огромные камни-валуны, вырванные с корнем столетние ели, как щепки, вертятся в бушующем водовороте. Через несколько мгновений поток снес архиерейскую дачу с находившимися там людьми, далее понес дома и жителей ущелья и устремился на город, еще не подозревавший о приближающейся беде. За первым валом через небольшой промежуток времени последовал второй, потом третий... “Пропал город!” – кричали сестры. Четвертый, пятый...»

Сель-дракон помчался по улицам города. Одна голова монстра устремилась по засыпанному старому руслу Малой Алматинки (вдоль нынешних улиц Валиханова и Кунаева), вторая – по руслу сегодняшней Малой Алматинки, третья – по речке Весновка (Есентай), которая тогда протекала за окраиной города. Невозможно представить себе весь ужас внезапно пробудившегося захваченного стихией города. Поток таранил, подобно гигантскому товарняку, и сносил на своем пути дома, постройки, сады, мосты, пожирал людей. По оценке профессора Коржиневского, грязекаменный поток 1921 года в первые четыре часа сбросил на Алма-Ату такое количество скальной породы, что ее хватило бы для загрузки 2500 товарных поездов. Это был самый сильный, но отнюдь не единственный прошедший здесь сель. Стихия вырывалась на волю примерно раз в пятьдесят лет.

Алма-Ата расположена на конусе выноса рек Малая Алматинка и Большая Алматинка, и грязекаменные потоки, формирующиеся в горах по руслам этих рек, время от времени угрожали городу как незначительными, так и катастрофически-ми селями. Необходимо было решать вопрос защиты растущего красавца-города. Составленный в 1934–1935 годах экспедицией Всесоюзного лесомелиоративного института проект облесения бассейна Малой Алматинки не годился, поскольку ожидаемый гидрологический эффект от предусмотренных им фитомелиоративных мероприятий мог проявиться только спустя примерно 20 лет – всё это время город не имел бы эффективной защиты. Может быть, спасет устройство на конусе выноса Малой Алматинки котлованов, способных поглотить твердую составляющую селевого потока с последующим сбросом вниз осветленной воды, по проекту экспедиции Академии коммунального хозяйства (1938–1951 гг.)? Но в случае приема селевого потока котлованным селеуловителем по Весновке будут сбрасываться расчетные 20–30 кубических метров в секунду. Донные отложения: гравий и галька за короткое время размоются потоком. Затем начнется процесс размыва не защищенного бетоном дна русла Весновки. Естественно, в этом случае облицованные берега будут разрушены. В результате уже в нижней части облицованного участка Весновки может возникнуть селевой поток со всеми неблагоприятными последствиями...

Выбор остановился на возведении плотины. Чтобы защитить город, следовало создать в период между прошедшим селом и предполагаемым следующим мощную плотину с селехранилищем, способным принять стихию, погасить ее удар и вместить в себя массу нескольких селей. Эта задача могла быть выполнена при помощи крупных направленных взрывов.

Впервые о крупномасштабном взрыве в урочище Медео заговорили в 1954 году. В 1957 году был рассмотрен первый проект строительства плотины. 17 февраля 1960 года в Новосибирске проект был досконально изучен и одобрен Советом по народнохозяйственному использованию взрыва при Сибирском отделении академии наук СССР. 23 июня 1960 года в Алма-Ате при разработке проблем устойчивости плотины в урочище Медео были приняты параметры плотины 1-го класса, обладающей наибольшим запасом прочности.

Следующим этапом стали горнопроходческие работы, которые практически были завершены, когда проект создания плотины законсервировали – к большому удовольствию тех, кто высказывался против строительства (испорченный ландшафт, сомнительная эффективность «искусственной горы» как защиты города, «да и будет ли он вообще, этот сель?», «не спровоцируют ли взрывы землетрясение?»). Лишь после драматических событий 1963 года на озере Иссык (гром не грянет – мужик не перекрестится!) экспертная комиссия президиума Академии наук СССР в 1966 году вновь рассмотрела и одобрила рабочий проект защиты города от селевых потоков, разработанный казахским филиалом института «Гидропроект» имени С. Жука, который предусматривал строительство селехранилища емкостью 6 млн кубометров сухой селевой массы и создание двумя направленными взрывами каменно-набросной плотины высотой 107 м и объемом 3,6 млн кубометров.

21 октября 1966 года произошло судьбоносное для всего города событие – прогремел страшной силы первый, правобережный взрыв четырех вспомогательных зарядов весом 1694 тонны и основного заряда весом 3600 тонн (организаторы и

руководители взрыва – тресты «Казахвзрывпром» и «Союзвзрывпром»). 14 апреля 1967 года был произведен второй, левобережный взрыв с общим весом десяти зарядов в 3942 тонны («Казахвзрывпром»). Общий объем каменной наброски от двух взрывов в проектный контур плотины составил 2530 тыс. кубометров, или более 2/3 проектного объема плотины.

Впервые в мировой практике вблизи крупного города были выполнены взрывы подобных масштабов. Непрогнозируемых последствий они не вызвали. Обследования после взрыва на предмет повреждения зданий и других сооружений в радиусе девяти километров от эпицентра взрыва показали, что каркасно-камышитовые и каркасные дома в радиусе одного-двух километров пострадали достаточно сильно (в частности, строения дома отдыха «X лет Казахстана») – по унифицированной шкале сотрясение в этом пункте оценивается в 7-8 баллов. Такие же дома, но на расстоянии чуть больше двух километров от эпицентра (дом отдыха «Просвещенец») пострадали меньше – на их стенах появились трещины (5-6 баллов). В самом городе наблюдались колебания почвы силой 1-2 балла, что для Алма-Аты – обычное явление.

Итак, против естественных гор Заилийского Алатау в ущелье Медео встала рукотворная стена – плотина площадью основания в 424 тыс. квадратных метров, сейсмоустойчивостью 10 баллов по шкале MSK, имеющая 1-й класс капитальности сооружения. Плотина, которая во все времена будет защищать наш город от того несказочного ненасытного дракона, что приходит в него каждые 50 лет...

Первая схватка «дракона» и плотины состоялась 15 июля 1973 года. Вот уж и правда: сила есть – ума не надо. «Дракон» пошел по маршруту, указанному ему человеком. Пошел и захлебнулся собственной грязью.

Лето 1973 года выдалось очень жарким – такого не помнили даже старожилы. Хотелось дождя. И вот в одно из воскресений июля пошел дождь: освежающий, ласковый – в городе и неукротимый, зловеший, настоящий ливень – в горах. Он-то и спровоцировал интенсивное таяние ледника Туук Су. Моренное озеро, находящееся на высоте 3500 метров над уровнем моря, переполнилось и выплеснулось из берегов. Огромная, высотой в 25 метров, коричнево-серая беснующаяся волна (160 тыс. кубометров), всей мощью ударяя в стены ущелья, ринулась вниз. Металлический селеуловитель выше селехранилища – в щепки! Канаты толщиной в руку – в нитки!

«Когда мы увидели, что делается, скажу честно, я просто ужаснулся: более трети турбазы “Горельник” было снесено, кругом трупы. У меня было чувство, как будто я вновь попал на передовую», – вспоминал впоследствии Л. Ю. Гирш, в то время начальник гражданской обороны города Алма-Аты и области. А вот свидетельства другого очевидца: «Я почти всю жизнь провел в горах, но такого видеть еще не приходилось. На моих глазах ударом камня, вылетевшего из протока, был сдвинут с фундамента дом». Сообщение о первом дне трагедии появилось и в «Литературной газете» от 1 августа 1973 года: «Сель, разбившись о плотину, начал растекаться, заполняя чашу котлована, а из ущелья, как волны, накатывались новые валы, более слабые, вторичные. Камни ушли на дно, на поверхности огромными пузырящимися клубами бурлил перемешанный с водой ил. И в этих клубах вдруг появился человек. Поток воды его отшвырнуло к крохотному каменному мыску. Еще минута – и человек вновь уйдет ко дну. И тогда его уже не спасти...» В бой с потоком за жизнь человека вступили два милиционера. На

двух мотоциклах помчались они с плотины по камням. Машины, совершая какие-то невероятные прыжки, оказались у самой кромки селя, едва не врезавшись в него. Один из смельчаков, это был Гринченко, разрывая ил руками, расталкивая локтями, приблизился к тонущему. Вырвал его из смертоносного потока. Спасенным оказался пятидесятилетний Кальян Айханович Мусин, «проплывший» в разъяренном потоке целых два километра!

Когда сель вышел на последнюю прямую, ведущую к Алма-Ате, перед ним встала плотина. Поток, имевший мощность, в несколько раз превышавшую мощность потока 1921 года, и объем около 4 млн кубометров воды, жидкой глины, камней, ударил по телу плотины на отметке 1800 метров в 18 часов 15 минут. Гулко вздохнула плотина – и остановила смертоносного «дракона». Выдержала! И что – любимый город, а это в то время 840 тысяч человек, мог спать спокойно? Отнюдь! Дальше началось непредвиденное – за короткое время две трети объема селехранилища оказались заполненными грязью. «Селем был забит тоннель, предусмотренный для пропуска бытового стока воды, а проходка траншеи по левому склону ущелья под селесброс глубиной 10 м ниже гребня плотины, предусмотренная проектом для сохранения плотины в случае переполнения селехранилища, начатая трестом, была остановлена для экономии средств одним высокопоставленным чиновником. Вода начала быстро скапливаться в селехранилище. Плотина, где она досыпалась, сильно дренировала... Чем это грозило городу – ясно», – вспоминал В. Кабаков, главный технолог треста «Казахвзрывпром». Оставалось, правда, несколько десятков метров от воды до гребня плотины, но расстояние сокращалось: грязная вода, к счастью медленно, поднималась по котловану. Не принять меры – и поток через день-два-три обязательно перельется через гребень с губительным для города равнодушием. Предполагаемый ущерб – тысячи человеческих жизней, в материальном эквиваленте – миллиарды рублей. Так бы и случилось, если бы на пути «дракона», и это без всякого пафоса, не встали люди, позади которых неотвратимо поднималась грязекаменная масса, а впереди утопала в зелени садов красавица Алма-Ата. Сами же люди были на передовой, на самой черте, разделившей жизнь и смерть, – гигантской плотине, стонущей от громадного напора. На этой-то черте, на самом гребне, где распростерло свои крылья кафе «Ласточка», располагался оперативный штаб.

Вечером, когда уже было темно, на оперативное совещание, проходившее в кафе, приехал секретарь ЦК Компартии республики Динмухамед Ахметович Кунаев. Там ему и доложили о предпринятых мерах, которые позволят не сразу, а начиная с 25 июля снижать уровень воды в селехранилище каждый час на четыре сантиметра. Чтобы это произошло, две тысячи человек работали с удесятенной силой, особенно первые четверо суток. Спали по два часа в сутки. По серпантину горной дороги шли нескончаемые вереницы машин, везущих арматуру, бетонные балки, трубы, оборудование, питание для людей. Ежесуточно – пять тысяч бутылок кефира, столько же бутылок молока, лимонада, минеральной воды, бочки с квасом, горячее питание. И никаких перебоев! Отдавались по-военному лаконичные команды:

- Перехватить воду трубой выше «Горельника»!
- Произвести реконструкцию селезащитных сооружений!
- Пробить еще один сбросной тоннель!
- Построить и запустить три сбросных тоннеля на разных уровнях и шахту!

– Перебросить со строительства водопровода Талгар – Алма-Ата металлические трубы!

И все это четко выполняется: перехвачивается, строится, пробивается – динамично, без комментариев и вопросов. Кто-то на отметке 1850 метров варит новый водоотвод с тремя нитями длиной 200 метров, которые отведут и сбросят в русло реки Алма-Атинки опасную воду. Кто-то очищает селехранилище при помощи насосов. Кто-то досыпает плотину – кафе «Ласточка» опускается ниже на один пролет...

Противостояние человека и стихии продолжалось около двух недель. И человек победил. Победил благодаря возведенной им плотине и своему профессионализму, позволившему в экстремальнейшей ситуации найти единственно правильное решение. Об этом противостоянии рассказали научно-документальный фильм «Медо: дни и ночи мужества» (киностудия «Казахфильм», 1976) и поэт Д. Мулдагалиев, написавший поэму «Сель», удостоенную Государственной премии КазССР (1978).

Один из классиков советской поэзии был убежден, что добро должно быть с кулаками. А красота? А красоте желательно находиться под мудрой опекой человека – иначе сила, заключенная в ней, погубит ее же саму.

Сегодня селезащитная плотина «Медоу» с ее знаменитой «лестницей здоровья» и высокогорный комплекс «Медоу», принявший первые соревнования 70 лет назад, по-прежнему встречают гостей, поражая красотой окружающей природы и масштабностью человеческих свершений. Они всё так же являются центром притяжения для алматинцев и обязательным пунктом для посещения в маршруте туристов, приехавших в Алматы. Плотина как памятник градостроительства и архитектуры входит в Государственный список памятников истории и культуры местного значения города Алматы, а спортивный комплекс является памятником градостроительства и архитектуры в Государственном списке памятников истории и культуры республиканского значения.

В очерке использованы материалы из статьи М. Батырбекова «Медоу: легенда и человек».

